

духовная связь становится очевидна [7, с. 452-454]. В целом дальнейший прогноз развития человечества остаётся благоприятен. В терминологии «Живой Этики» он связан с торжеством светлой энергетики, наступлением эпохи Сатья-Юга, царства Майтрейи: «Заповедь справедливости не горит и не тлеет, она вспыхивает неожиданно и сожигает твердыни препятствий» [4, с. 60]. Если отвлечься от экзотических особенностей языка, это вполне соответствует идеологии православия. Сами Рерихи вполне отдавали в этом отчёт, акцентируя моральный фактор духовного взаимодействия: «Этика Агни Йоги базируется на положении о единстве принципов общечеловеческой нравственности всех религий» [7, с. 291]. Рериховская концепция справедливости может быть адекватно рассмотрена в контексте православной духовности.

Литература

1. Decter, Jacqueline. Nicolas Roerich: the life and art of a Russian master. - Rochester, 1990.
2. Шапошникова, Л. В. Магический мост синтеза // Рерих, Н. К. Восток – Запад.- М., 1994.
3. Рерих, Н.К. Восток – Запад.- М., 1994.
4. Рерих, Н. К. Агни Йога.- Харьков, 2008.
5. Скачкова, М. Пророк Культуры // Рерих, Н. Моя жизнь.- Минск, 2010.
6. Рерих, Н. Моя жизнь. // Н. Рерих, - Минск, 2010.
7. Грицанов, А. А. Елена Рерих.// А. А., Грицанов, А. И Грицанова - Мн., 2011.

Семенов В.А., Фонова Э.А. Русская религиозная философия XIX – XX веков

В российской мысли религиозно-философские темы всегда занимали заметное место. Не случайно, в работах многих исследователей отмечается, что одна из главнейших качественных черт русского философствования заключается в его в религиозно-мистических поисках.

Обозревая путь, пройденный русской религиозной философией от Владимира Соловьёва до Николая Бердяева и Георгия Федотова,

протоиерей Александр Мень заявлял: «русская религиозная философия не была никогда камерой, кабинетной, оторванной от жизни, отвлечённой. Все её представители были мужественными свидетелями Истины, исповедниками Евангелия, все они так или иначе вступали в борьбу с жизнью, все они запечатлели, каждый по-своему, свои взгляды не только на бумаге, но и в жизни. Они были святыми нашей культуры, не канонизированными, но действительно образцами, на которые могут ровняться нынешние и будущие поколения» [1, с.278-279].

В этой оценке следует обратить внимание на последнюю фразу. Действительно, представители русской религиозной философии, несмотря на их приверженность православию всё же не удостоились чести быть канонизированными церковными институтами, которые нередко от них отмежевывались, считая их взгляды чуть не «ересью». Для подобного рода оценок, видимо, были веские основания, поскольку взгляды многих русских религиозных философов не вмещались в строгие рамки ортодоксального богословия. Впрочем, и сами они в этом нередко сознавались, как это делал, к примеру, Н. А. Бердяев, когда писал в своей философской автобиографии: «Я не богослов, моя постановка проблем, моё решение этих проблем совсем не богословские. Я представитель свободной религиозной философии» [2, с.175].

Оценивая русский религиозно-философский ренессанс, нельзя не упомянуть и выдающихся российских писателей, в первую очередь Ф. М. Достоевского (1821-1881), творчество которого подготовило почву для расцвета русской религиозной философии в исследуемый нами период.

Её основоположником считается Владимир Сергеевич Соловьёв (1853-1900). Его творческое наследие столь многогранно, что порой невозможно определить, кем он был: философом, мистиком, религиозным мыслителем, историософом, поэтом. Но бесспорно одно: В. Соловьёв, положил основание и дал своими идеями столь сильный толчок развитию оригинальной русской религиозной мысли, что именно с ним связывают её оформление в цельную систему. Не случайно сегодня можно встретить высказывание, что вся религиозная философия XIX-XX веков вышла из Соловьёва и Достоевского, как русская литература того же времени из гоголевской «Шинели».

Основные интересы Соловьёва в религиозно-философской области концентрировались вокруг центральной в его творчестве философии всеединства. В ней он выдвигал так и не нашедшие своего практического воплощения проекты соединения западно-европейской и восточной мысли, католицизма и православия, разума и интуиции. По его мнению, это всеединство должно охватить все формы отношений людей к действительности «дать миру философию всеединства, писал он, – «великое историческое призвание России призвание религиозное в высшем смысле этого слова» [3, с.173]. От высказанных им идей, развивая и дополняя их, отталкивались многие русские мыслители XX века. В их числе в первую очередь следует назвать Бердяева.

Николай Александрович Бердяев (1874-1948) – наиболее известный из русских религиозных философов XX века. Его давно знают за границей и лишь сравнительно недавно его труды стали публиковаться в России, которую он вынужден был покинуть в 1922 году, будучи выслан зарубеж вместе с целой группой известных интеллектуалов. Незадолго до смерти, подводя итоги своего творческого пути Бердяев с горечью писал: «я очень известен в Европе и Америке, даже в Азии и в Австралии, переведён на много языков, обо мне много писали. Есть только одна страна, в которой меня почти не знают — это моя Родина».

Сегодня ситуация кардинально изменилась: на постсоветском пространстве, прежде всего в Российской Федерации, Бердяев один из самых востребованных философов. Ему посвящаются многочисленные книги, статьи и очерки. Его творческий путь и духовное наследие изучаются и анализируются историками, философами, искусствоведами. За восемь лет до своей кончины в предисловии к книге «Самопознание» (ей он дал характерный подзаголовок «Опыт философской автобиографии») Бердяев писал: «Дело идёт о самопознании и потребности понять себя, осмыслить свой тип и свою судьбу». Но это самопознание у него неизменно оборачивалось попыткой «познания мира» и всего происходящего в нём: «Я решаюсь заняться собой не только потому, что испытываю потребность себя выразить и отпечатлеть своё лицо, но и потому, что это может способствовать постановке и решению проблем человека и человеческой судьбы, а также пониманию нашей эпохи» [4, с. 8,10]. Из трудов Бердяева читатель может подчеркнуть больше

сведений о той эпохе, в которой он жил, чем нередко из многочисленных, исторически выверенных описаний событий того времени. Ему пришлось жить в эпоху катастрофическую и для его родины и для всего мира. На его глазах рушились целые миры и возникали новые. «Я. – писал Бердяев в 1940г. - пережил мир, весь мировой и исторический процесс, все события моего времени как часть моего микрокосма, как мой духовный путь. На мистической глубине все происшедшее с миром произошло со мной...Эпохи, столь наполненные событиями и изменениями, принято считать интересными и значительными, но эти же эпохи несчастные и страдальческие для отдельных людей, для целых поколений» [5, с. 8].

Пережитая Бердяевым эпоха вместила в себя многое: две мировые войны (1914-1918), (1939-1945), революции в России, духовный ренессанс XX века и многое другое. Из испытаний, которые ему пришлось пережить, Бердяев вынес веру в то, что его «хранила Высшая Сила и не допускала погибнуть». Отсюда проистекают те религиозные духовные искания, которыми пронизаны его книги и статьи.

Бердяев принадлежит к той группе российских мыслителей, которые пришли к религиозному мировоззрению в процессе мучительных поисков и которому остались верны до конца своих дней. Но этот глубоко верующий человек выражал свои взгляды на религию в столь необычной отличной от традиционного богословия форме, что от него нередко отмежевывались самые близкие друзья и почитатели, не говоря уже о церковных иерархах и институтах.

Впрочем, как это ни странно, первое значимое международное признание его заслуг пришло как раз со стороны теологов. Весной 1947 года Кембриджский университет избрал Бердяева доктором теологии, предпочтя его таким известным западным религиозным мыслителям, как Карл Барт и Жак Маритен. Рассказывая об этой «торжественной средневековой церемонии», на которой ему пришлось присутствовать в качестве главного действующего лица, Бердяев с некоторой долей иронии замечал: «Все это мало подходило моей природе и характеру. Я как будто со стороны смотрел на это. Думал о странности своей судьбы. Кроме того, я не теолог, а религиозный философ. Религиозная философия есть очень

русский продукт, и западные христиане не всегда ее отличают от теологии» [6, с.349,349].

Практически во всех своих трудах Бердяев затрагивал и пытался по-своему осмыслить проблемы религии. Но это осмысление давалось им с таких позиций, когда многие религиозные вопросы решались в противовес теологии официальному православному богословию. Эту особенность творчества Бердяева отмечал русский религиозный философ и историк русской философии Василий Зеньковский (1881-1962): «Бердяева на Западе часто считают представителем «православной философии». В такой форме характеристика Бердяева совершенно неверно, но, конечно, Бердяев глубоко связан с православием, со всей его духовной установкой. К сожалению, однако, Бердяеву остался чужд богатейший мир святоотеческой мысли, хотя Бердяев одно время и интересовался им. Но, впитав в себя отдельные черты Православия, Бердяев не находил для себя нужным считаться с традицией Церкви» [7, с. 80].

Вполне понятно, такая позиция Бердяева вызывала нарекания со стороны Русской православной церкви, иерархи которой не могли согласиться с бердяевским переосмыслением христианской эсхатологии и его «творческим развитием» православия.

В русском религиозно-философском ренессансе Павел Александрович Флоренский (1882-1937) занимает особое место. Во-первых, если большинство русским религиозных мыслителей были изгнаны или добровольно покинули отечество и продолжали творить в эмиграции, Флоренский остался на родине и в 1937 г. был расстрелян по приговору НКВД Ленинградской области. Во-вторых, в отличие от других коллег по русскому религиозному ренессансу Флоренский обладал более основательными познаниями в естественных науках, прежде всего в физике и математике, что позволяло ему использовать достижения этих наук при разработке своих религиозно-богословских взглядов. В-третьих, была еще одна область деятельности Флоренского-искусствоведение и музейная работа, в процессе которой он создал несколько выдающихся работ по древнерусскому искусству. Еще в 1911г. Флоренский принял священнический сан. И хотя он не состоял на церковной службе в каком-либо приходе, а занимался исключительно научной или религиозной работой, он неизменно ходил в рясе, приходя в таком облачении даже на лекции, которые

он читал в конце 20-х годов в Московском технологическом институте.

Центральный вопрос главной работы Флоренского «Столп и утверждение истины» - обоснование православной веры и догматики.

Поясняя содержание этой книги, Флоренский считал «необходимым напомнить» несколько элементарных соображений о сущности религии. Эти приводимые им «соображения» вкратце сводятся к следующему: «Религия есть или по крайней мере притязает быть художницей спасения, и дело её – спасти». От чего же спасает нас религия? – Она спасает нас от нас, - спасает наш внутренний мир от таящегося в нем хаоса. Она поражает гадов «великого и пространного» моря подсознательной жизни, «им же несть числа», и ранит гнездящегося там змея. Она улаживает душу. А водворяя мир в душе, она умиротворяет и целое общество, и всю природу...

Так, хотя и внешний мир не оставлен религией, однако настоящее место ее – душа. И поэтому, если онтологически религия есть жизнь нас в Боге и Бога в нас, то феноменологически - религия есть система таких действий и переживаний, которые обеспечивают душе спасение. Другими словами, спасение, в том наиболее широком, психологическом смысле слова, есть равновесие душевной жизни» [8, с.818].

Флоренский глубоко переживал раскол христианского мира, его разделение на православие, католицизм и протестантизм, выдвигал и отстаивал экуменическую идею их объединения.

Наряду с Бердяевым среди мыслителей русского зарубежья следует еще назвать С. Л. Франка (1877-1950), Г. П. Федотова (1886-1951) и Г. В. Флоровского (1893-1979). Все они в своих трудах не могли не коснуться болезненной для тогдашней России проблемы: бедственного положения в ней православия. Наиболее четко об этом высказался Бердяев в своей книге «Истоки и смысл русского коммунизма», которая вышла в свет в 1937 г. «Коммунисты, - писал он, - обличают дурные, насильственные дела христиан, но сами они продолжают делать те же дурные, насильственные дела. Их ответственность за дела насилия может быть меньшая, потому что они не знают истины христианства, но они ответственны за то, что не хотят знать этой истины» [9, с.125].

Все мыслители русского зарубежья жили надеждой на то, что ситуация на их родине в религиозной сфере изменится в лучшую сторону. По словам Г. П. Федотова, для возвращения русского человека «в заглохшую традицию русской культуры, а через нее - и русского христианства» понадобится не одно поколение [10, с.327]. В известной мере он оказался не столь уже далек от истины.

После разоблачения «культы личности Сталина» начавшаяся при Н. С. Хрущеве атеистическая кампания имела целью «преодоление религиозных пережитков». Причем это «преодоление» понималось весьма своеобразно: как репрессивное административное и политический нажим на православие и другие религиозные конфессии в СССР. Эта жесткая политика продолжалась и в дальнейшем.

Лишь в конце 80-ых – начале 90-ых годов ситуация стала кардинально меняться. С этого времени российская власть отказывается от тотального контроля за церковью, от политики «воинствующего атеизма». Заодно был положен конец третированию и шельмованию философов русского зарубежья и их трудов. И непредвзятый читатель смог убедиться, что эти философы вовсе не были врагами России, что они любили ее и желали ей счастья и благополучия, боролись за возвращение русского народа в русло великой тысячелетней традиции христианской культуры.

Литература

1. Мень, А. Русская религиозная философия. Лекции // А. Мень.- М., 2003.-С. 278-279.
2. Бердяев, Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии) // Н. А. Бердяев. – М., 1991 – С. 175.
3. Соловьев, В.С. Соч. в 2 т. М., 1988, т. 2 – С. 173.
4. Бердяев, Н.А. Самопознание // Н. А. Бердяев. – С. 8,10.
5. Там же, С. 8.
6. Там же, С.349, 348.
- 7.Зеньковский, В.В. История русской философии // В. В. Зеньковский. – Ленинград, 1991, кн. 2, ч. 2. – С. 80.
8. Флоренский, П.А. Столп и утверждение истины // П. А. Флоренский. – М., 1990, т.1 (II) – С. 818.

9. Бердяев, Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма //Н. А. Бердяев. – М., 1990--С. 125.

10. Федотов, Г.П. Судьба и грехи России // Г.П. Федотов. С.- Петербург, 1991 – С. 327.

Терлюкевич И.И., Мушинский Н.И. Логика и философия Симеона Полоцкого как сподвижника православия на славянских землях

Наступает знаменательная дата 1025 лет крещения Руси. В современных условиях необходимо подчеркнуть историческую значимость принятия христианства восточными славянами в 988 году. Возвышенные идеалы жизни в духе веры и нравственной чистоты, выдвинутые православием, привнесённые им на славянские земли, приобретают новую актуальность. Православие на протяжении многих столетий выполняло на Беларуси образовательно-просветительную функцию, приобщало широкие массы населения к передовым достижениям науки и философии своего времени. Научно-философская рациональность – это соответствие теоретических построений тем идеалам, нормам и средствам познания, которые приводят к достижению объективной истины, адекватных представлений о сущности бытия. Составными частями и теоретическим фундаментом научной рациональности являются философские допущения, логические законы и правила, дающие образец для решения конкретных исследовательских задач. Логика есть философская наука, изучающая структуру мыслительного процесса, закономерности, лежащие в его основе. В них отражены сущностные свойства природных и социокультурных явлений, многовековой опыт человеческой практической деятельности. Логические законы служат предпосылкой для операций с формами человеческого мышления, к которым относятся понятия, суждения и умозаключения (в речевом выражении им соответствуют имена, высказывания и логические выводы). В познавательном процессе формам логического мышления предшествуют три формы чувственного познания, которые изучает наука психологии – ощущение, восприятие, представление. Изучение логики позволяет чётко формулировать те или иные специальные термины, раскрывать их смысл посредством